

— Всё в порядке. Я всё равно тебя искал.

Что? Брови сами собой сошлись к переносице. О чём, чёрт возьми, этот парень толкует? Безнадёжный оптимист.

Шин Джэхен, откуда ни возьмись, вытащил из кармана йогурт и протянул мне. Я слегка отшатнулся, молча глядя на розовую обёртку.

— Это что?

— Йогурт. Сегодня в школьном меню на обед был.

— ...

— Похоже, в Корее не особо задумываются об учениках с непереносимостью лактозы.

— С чего ты мне его даёшь?

— Подумал, ты, наверное, опять только хлеб жевал.

Словно мой отказ его нисколько не смутил, Шин Джэхен продолжал говорить с той же беззаботной улыбкой.

— Это тебе.

— Не надо. Отдай кому-нибудь другому.

Есть совсем не хотелось. Я уже собрался уйти, как вдруг...

Бур-р-р.

— ...

Как ни крути, а этот год просто проклятый. Залившись краской, я обхватил живот руками. В голову полезла мысль об обеде, который я не смог съесть из-за Го Ёхана. А следом — мысль о самом Го Ёхане, который даже не потрудился за мной пойти.

— ...А, чёрт.

Вот оно что. Я даже не заслуживал того, чтобы за мной пошли. Просто выброшенная вещь.

Я сглотнул, опустил голову и заговорил голосом, который, наверное, прозвучал резче, чем мне хотелось.

— Я не голоден.

— Правда? Жаль.

На мою откровенную ложь он ответил не менее искренним сожалением. А затем, не колеблясь, Шин Джэхен протянул руку и сунул йогурт мне в карман.

— Тогда отдай другу. Кому угодно.

— Я сказал, я не хочу... Оставь себе.

— Вот это как раз было бы проблематично.

Что за проблема? У него друзей куда больше, чем у меня. Мне же отдать его было некому. Я подавил подступающее раздражение и выдавил улыбку.

— Нет, по-моему, вообще никаких проблем, Джэхен.

— Сделай одолжение, отдай кому-нибудь по пути. Если не съешь сейчас, просто испортится.

— Почему?

— Я собираюсь вернуться в класс и тихо почитать.

С этими словами Шин Джэхен протянул руку и разгладил складку на моём кармане, куда только что засунул йогурт.

— Скоро лето. Молочка быстро портится.

— Ещё не так уж и жарко.

— Ага. Но к тому времени, как ты найдёшь, кому отдать, может и жарко стать.

Его голос растаял в улыбке — одной из тех неизменных улыбок, которая давала понять, что

спорить дальше он не намерен. Я покосился на оттопыренный карман и решил, что не стоит тратить силы на препирательства. Пустая трата времени. Да и, честно говоря, мне вообще не хотелось сейчас связываться с Шин Джэхеном.

Да. Просто грёбанный йогурт.

— Ладно.

— Отлично, спасибо.

С чего это он меня благодарит? От полной абсурдности ситуации я лишь покачал головой.

Я отвернулся, вцепился в перила и стал спускаться по лестнице. Ступенька, ещё одна. До ушей донеслись шаги, удаляющиеся в противоположном направлении.

А потом, словно что-то толкнуло меня, я снова обернулся. Губы раскрылись сами собой, без моего ведома.

— В класс не ходи.

Шин Джэхен замер на месте.

Он повернул голову и посмотрел на меня. Глядя на него с этого ракурса, я вдруг осознал, какой же он на самом деле высокий. Эта мысль пришла ниоткуда.

Да. Должно быть, поэтому он так легко держится. Как большие собаки обычно спокойнее маленьких — потому что знают, что победят.

— Почему?

— Там Го Ёхан со своими так называемыми друзьями.

Глаза Шин Джэхена чуть расширились. Потом, медленно, на его лице начала проступать улыбка. Слегка недоверчивая улыбка.

С чего это он так улыбается?

— А разве ты не друг Го Ёхана?

— ...

Да этот идиот просто мастер затыкать мне рот.

— В любом случае, спасибо за предупреждение. Похоже, не лучшее место для чтения.

— ...Не лучшее.

— Ладно, тогда...

Его шаги легко развернулись. Проходя мимо меня, спустившись на полпролёта, он вдруг поднял голову.

— Пойдёшь со мной?

—

— Я как раз в художественный класс направлялся.

Шин Джэхен небрежно вытащил из кармана ключ и помахал им передо мной с самодовольным видом.

— Я президент художественного кружка, так что у меня есть ключ.

— ...

Будь это любой другой день, я бы даже взгляда на него не бросил. Просто ушёл бы. А если бы и ответил, то какой-нибудь гладкой, отстранённой фразой, притворяясь, что мне всё равно.

Месяц назад именно так и поступил бы Кан Джун.

Но я был уже не тем Кан Джуном, что месяц назад.

Я не ожидал, что мир так легко перевернётся с ног на голову.

Мне пришлось учиться выживать, пока меня тащат по грязи.

И прямо сейчас мне отчаянно нужно было место, куда можно сбежать.

Этот ключ выглядел слишком заманчиво.

Так что я кивнул. Медленно.

— Ага, ладно.

Шин Джэхен на мгновение задержал на мне взгляд снизу вверх. А потом просто сказал:

— Я пойду первым.

Честно говоря, я ожидал, что он поднимется и поможет мне спуститься по лестнице. Думал, он из тех, кто слишком заботлив.

Но он этого не сделал.

Это застало меня врасплох. Нет — по-настоящему врасплох.

Онемевшие пальцы постучали по перилам. Потом, отбросив мысли, я последовал за ним.

Было немного трудно, но до художественного класса я добрался сам.

Как и сказал Шин Джэхен, дверь была не заперта.

Внутри никого не было. Тихо.

Когда я вошёл, Шин Джэхен уже сидел в углу, читая книгу, которую неизвестно где взял. Опять английская литература.

Я сел на самое продуваемое место, осторожно покосился на него, а потом принялся мучительно открывать йогурт.

Кажется, послышался тихий смешок, но я проигнорировал его и уставился вниз, на шумный школьный двор.

— Устал?

Мягкий голос донёсся до меня вместе с ветерком.

Я очнулся и поставил йогурт на подоконник.

Было не по себе.

Я повернул голову, чтобы посмотреть на Шин Джэхена, но его глаза всё ещё были прикованы к книге.

На секунду мне показалось, что это почудилось.

— Ты это мне сказал?

— Ага.

Шелест. Ещё одна перевёрнутая страница.

Моё раздражение вскипело.

Моё недовольство теперь было написано на лице, даже не скрываясь.

Впрочем, какая разница. Шин Джэхен на меня даже не смотрел.

Я прекрасно понял, что он имел в виду, но вместо того, чтобы реагировать слишком остро, я ушёл от ответа.

— Всё нормально. Мне скоро снимут гипс, нога почти зажила.

— Ага. Это, наверное, тоже тяжело.

Тоже? Значит, я с самого начала был прав.

Чёрт.

Аппетит пропал окончательно, я отодвинул йогурт. Потом стёр раздражение с лица.

— Джэхен.

— М?

Шин Джэхен, листавший книгу, медленно поднял голову. Наши взгляды встретились.

К счастью, он смотрел на доброго Кан Джуна.

Я слегка кивнул и заговорил.

— Не переступай черту.

Он же жил в Америке, верно?

Значит, должен знать о личных границах.

— Ты в Штатах жил, да? Там бы ты такого не делал.

— Не делал.

Джэхен с неловкой улыбкой почесал шею и замолчал. Снова послышался тихий шелест страниц.

Я резко выдохнул и откинулся на стену. Ага, сюда я больше не приду. Знал бы, что этот разговор состоится, спрятался бы где-нибудь и просто убил бы время.

Я покачал головой, сожалея о своём выборе.

И тут...

— Надо мной издевались.

Шелест.

Ещё одна страница перевернулась.

Мой взгляд сам собой метнулся к Джэхену.

Я никогда не слышал, чтобы он говорил такое.

Но он продолжал, словно его внезапное признание ничего не значило.

— Большинство подростков в средней школе мелкие, знаешь? Было не самое лучшее место для тощего азиатского пацана, чтобы вписаться.

Я был застигнут врасплох.

Мы вообще достаточно близки, чтобы вести такие разговоры?

Я слегка напрягся, но Джэхен, кажется, совершенно не замечал моей реакции.

— Ну, вот так оно и было. Не то чтобы они были расистами. Просто не хотели иметь дела с китайцем.

— Ты не китаец.

— В чужой стране все восточные азиаты — китайцы.

Джэхен приставил оба указательных пальца к уголкам глаз и сильно растянул их. Его глаза с двойным веком вытянулись в стороны. Потом он растянул губы в ухмылке и сказал:

— Чинг-чонг.

Он выдохнул смешок.

— Трое из десяти прохожих орало это прямо мне в ухо. Я не могу правильно выговорить «ваниль», понимаешь? А ваниль — моё любимое мороженое. Каждый раз, когда я говорил «ванилла»...

Он утрированно растянул слово.

— Они притворялись, что не понимают, и смеялись надо мной. Говорили, говори на нормальном английском.

Джэхен, должно быть, заметил, как застыло моё лицо, потому что тихо хмыкнул.

— Но теперь я выговариваю нормально.

— ...

— Хочешь послушать?

Он указал на свой рот и произнёс чётко, разделяя слоги:

— Ва-ниль.

Произношение было безупречным, прямо как у тех иностранных актёров в кино.

Я понятия не имел, что на это ответить, поэтому ляпнул какую-то странную фразу.

— Ага... Молодец.

Джэхен расплылся в широкой улыбке на мою пустую похвалу, а потом снова уткнулся носом в книгу.

Следующие десять минут он молчал. Просто читал.

А потом, прямо перед звонком, вышел из художественного класса.

Я ждал, что он вернётся.

Но он не вернулся.

Чувствуя лёгкое недоумение, я подошёл к его пустому месту.

И там, на самом видном месте, лежал жёлтый ключ.

Он оставил его нарочно, прямо там, где я увижу.

«Джэхен хороший парень».

Эта мысль пришла в голову из ниоткуда.

Если я когда-нибудь увижу, как его где-то игнорируют или обижают, может, я ему помогу.

И в этот момент я понял...

Всё то хорошее, что я слышал о Шин Джэхене?

Это всё были просто его попытки отплатить за добро.

Мне спёрли обувь, я порезал ногу, в меня попали футбольным мячом, у меня пошла носом кровь, я встретил Хан Тэсана и стал выброшенной пешкой Го Ёхана — всё это случилось всего за две недели.

И вот, после всех этих паршивых дней, наступила пятница, тринадцатое.

Должно быть, я подсознательно надеялся, что последний день недели никогда не наступит.

Мне приснился кошмар.

Я не мог вспомнить, что именно там было, но знал — это было ужасно.

Я проснулся в холодном поту, с криком.

4 утра.

Звук дождя, барабанившего по окну, и тиканье часов наполняли мою комнату.

Пятница.

Я сидел на кровати, проклиная ещё не взошедшее солнце.

— ...Чёрт.

Почему солнце встаёт каждый день?

И почему мусоросжигатель всегда опустошают по пятницам?

Дождь кончился, но я решил не идти в школу пешком.

Земля была полностью мокрая, и настроения не было.

Честно говоря, я был просто рад, что мир достаточно продвинулся, чтобы сделать мою жизнь чуть удобнее. Я заказал такси через телефон и вяло побросал вещи в рюкзак. По пути прихватил пару снеков из кладовки на второй кухне просто так.

Выходя, я столкнулся взглядом с новой экономкой.

— ...Я просто возьму пару штук.

— Да.

Она всегда была такой тихой.

На миг у меня мелькнула тревожная мысль, что это молчание — затишье перед бурей.

Когда-нибудь, когда-нибудь буря грянет.

Мои надежды никогда не сбывались, а вот страхи? Всегда били в цель.

И в тот момент, когда я вышел за ворота ждать такси...

Я встретил именно ту причину, из-за которой не спал всю ночь, изводясь тревогой.

— Йо.

— ...

— Рано ты сегодня в школу собираешься.

Я замер на месте, всё ещё не сменив неловкой позы, в которой вышел за ворота.

— Ты... что...?

Какого чёрта он делает перед моим домом?

И почему он смотрит на меня с этой светлой, беззаботной рожей, будто напрочь забыл всё, что говорил раньше?

В голове взвыла сирена.

Ничего хорошего в том, чтобы связаться с ним сейчас, не было.

На автомате я резко развернулся и схватился за ручку ворот, которую только что отпустил.

Но едва я собрался толкнуть дверь.

Рука схватила меня за левое запястье.

— Давай поговорим.

Нет.

Я даже не успел этого сказать.

Хватка Го Ёхана усилилась, и меня просто потащили.

Честно говоря, я и сам наполовину подчинился.

Я пытался вырвать руку в тот же миг, как он схватил, но бесполезно. В тот момент мне ничего не оставалось, кроме как смириться.

— ...

Как только я перестал сопротивляться, Го Ёхан перестал тянуть.

Мы оказались в узком проулке между моим домом и его.

Добравшись туда, Го Ёхан, кажется, удовлетворился и ослабил хватку.

Он быстро облизнул губы, прежде чем открыть рот, заговорив медленно.

Это крошечное движение заставило моё тело насторожиться до предела.

— Давай помиримся.

Твою мать.

А следующее, что вылетело из его рта, было ещё нелепее.

— Думаю, будет лучше, если мы просто помиримся.

Го Ёхан всё ещё не отпускал мою руку.

Мои мысли полностью опустели.

Его, кажется, совершенно не волновала моя реакция. Наоборот, его хватка стала смелее. Пальцы чуть сместились, делая едва уловимые движения по моему рукаву.

Что за хрень?

Я опустил голову, ошеломлённый.

Его аккуратно подстриженные ногти легонько впились в ткань моей белой рубашки.

Недостаточно, чтобы довести до предела — идеальный уровень мучительства, ровно настолько, чтобы сделать мне некомфортно.

Он давил на меня.

Я закусил губу, так и не поднимая головы.

— Чего молчишь?

— ...

Потому что если заговорю, голос может дрогнуть.

Потому что боюсь, он услышит, как слабо я звучу.

Я не мог поднять на него глаза.

Если я это сделаю, Го Ёхан увидит меня насквозь.

Мой взгляд медленно опустился на землю.

После вчерашнего дождя образовалась лужа.

И в ней отражалось лицо Го Ёхана.

— ...

Это было лицо, которое уже знало, чем всё кончится.

Словно он был уверен, что я приму его предложение.

Так уверен в своей победе.

— Давай просто сделаем вид, что ничего не было. Тебе же тоже так лучше, правда? Школьная жизнь проще станет.

— ...

— Ты, наверное, уже хочешь завести нормальных друзей. С кем ты вообще тусуешься сейчас?

Пак Хаон? Им Юнки? Похоже, им на тебя уже плевать. Эти двое всегда были близки — как мы раньше.

А как же О Енджун?

Я стиснул зубы так, что челюсть заныла.

Хотелось схватить его за грудки и трясти.

Какого хрена ты всегда с О Енджуном? Почему вы обедаете вместе с ним?

Почему ты, чёрт возьми, не упомянул его имя?

Он был тем, кто последнее время бесил меня больше всех.

Так почему же?

Ярость жгла изнутри.

Но если я заговорю сейчас, голос сорвётся.

Я крепко зажмурился и проглотил её.

— ...

— М? Ну так что, помиримся, а?

Пальцы Го Ёхана скользнули вверх по моей руке и крепко сжали плечо.

Его голос сочился наглостью.

Острая, тошнотворная дрожь вцепилась в живот.

На миг тело сковало инстинктивным спазмом.

И вдруг...

Мои глаза распахнулись.

Дерьмо.

Нет.

Только не это.

Страх сковал меня.

В панике, боясь, что он заметит мою дрожь, я оттолкнул его руку.

И одновременно голова поднялась сама собой.

Может, чтобы увидеть его реакцию.

— Прости, но...

Го Ёхан, которого я видел отражённым в луже, с той самодовольной улыбкой, не совпадал с тем, что стоял передо мной сейчас.

Выражение его лица было кислым до чёртиков.

Он вскинул бровь и пошевелил пальцами, которые я оттолкнул. Звук хруста суставов между костяшками был зловещим предупреждением.

Я тщательно подбирал слова, стараясь не спровоцировать.

— Просто... говори, но не трогай.

Лёгкий шелест — чётки Го Ёхана скользнули по запястью.

Он рассеянно покрутил их и наконец заговорил.

— Ты...

Его голос скривился в усмешке.

— Ты ведь не думаешь, что я всё ещё тобой интересуюсь?

Резкий выдох со свистом вырвался из его губ.

Он смеялся надо мной.

Простая просьба, которую я едва сумел выдать, была раздавлена его насмешкой.

Что я только что услышал?

Мысли затуманились.

— ...Что?

— Значит, думаешь. Вау. Даже после всего дерьма, что ты устроил? А ты всё такой же самоуверенный.

Мысли запнулись, застряли.

А потом...

Щёлк.

Что-то, засевшее глубоко в мозгу, сорвалось с тормозов.

Шестерёнки внутри закрутились в обратную сторону, набирая обороты быстрее и быстрее.

Жар прилил к лицу.

— Мои родные давно уже поняли, кто мне нравится. А то, что ты, блять, пытался изображать — мне просто подумать об этом стыдно, сдохнуть хочется.

— ...

Твою мать.

Я только сумел забыть об этом.

А теперь голова просто взорвётся от унижения.

<http://bllate.org/book/12586/1581741>